

Романы о Великой Отечественной войне

От ветерана Советской армии

Александр
Тамоников

ЮЖНЫЙ ОЖОТ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В коллаже на обложке использована фотография:
© Леонид Доренский / РИА Новости
Художник — *Борис Аджиев*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Южный ожог / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Романы о Ве-
ликой Отечественной войне. От ветерана Совет-
ской армии).

ISBN 978-5-04-199730-4

Фашисты наносят сокрушительный контрудар под Харьковом. Застигнутая врасплох Красная армия вынуждена отступать с тяжелыми боями. На одном из участков разведчикам капитана Глеба Шубина приказано обеспечить коридор для выхода наших частей из окружения. Горстка бойцов долгое время успешно сдерживает вражескую армаду. Но силы неравны. В последний момент, потеряв практически всех своих товарищей, Шубин попадает в засаду. Понимая, что главную задачу его разведчики все-таки выполнили, капитан готовится с честью принять свой последний бой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199730-4

© Тамоников А.А., 2022
© Аджиев Б.Н., иллюстрация, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

18 февраля, 1943 г.

До Харькова осталось шестнадцать верст, о чем наглядно извещал валяющийся в кювете километровой знак. Кто-то заботливо счистил снег с таблички, чтобы можно было видеть написанное. «ГАЗ-64» с брезентовым тентом сделал вынужденную остановку. Машина была подержанной, часто ломалась. Двигатель заглох, издав перед кончиной душераздирающий скрежет. В шесть рук отогнали внедорожник к обочине, стали разбираться, в чем дело.

— Повезло, что не в бою сломались, товарищ капитан, — с виноватой улыбкой сообщил лейтенант Шендрик и забрался под капот.

Из двигателя струился дымок. Повезло — не то слово. Капитан Шубин, одетый в зимнюю шинель и ушанку, прошелся по обочине, закурил. Пощипывал морозец. Последний месяц зимы 43-го года выдался щадящим, что способствовало наступлению. Машина сломалась на выезде из небольшого поселка, разбросанно-

го по равнине. Избы сельчан тонули под сугробами. На улице ни людей, ни животных. Только в нескольких хатах теплилась жизнь — вился дымок над печной трубой. За границей поселка, на дороге — метрах в семидесяти — контрольный пост. Ничего нового не выдумывали, использовали то, что осталось после немцев: шлагбаум, полосатую будку с печкой. К обочине лепились утлые сараи. Полдюжины автоматчиков в коротких полушубках несли службу: равнодушно смотрели, как трое представителей комсостава ремонтируют «газик».

Навстречу проскрипела телега, запряженная старой кобылой: жители освобожденных районов занимались своими делами. Старичок в зипуне держал поводья и, казалось, спал. В гряде соломы, обнимая мешок со скарбом, сидела девушка, исподлобья поглядывая на статного капитана. Красную армию встречали настороженно: полтора года под оккупацией не прошли даром. Мирное население тоже подвергалось гитлеровской пропаганде. Глеб Шубин подмигнул девушке. «Аборигенка» смутилась, опустила глаза. Но опять посмотрела украдкой: капитан был молод, неплох собой, а круги под глазами и седину на висках можно было и не замечать.

Телега поравнялась с застрывшей машиной, старичок проснулся, стегнул клячу. Лошадка побежала резвее. Молодые офицеры провожали глазами повозку. Лейтенант Царьков увлекся,

закашлялся, глотнув дыма. Засмеялся старший лейтенант Виталий Шендрик и быстро сделал серьезное лицо, перехватив строгий взгляд командира. Чернявый Гоша Царьков занял водительское место, попробовал завести мотор. Попытка провалилась. Двигатель крикнул, выдав облако дыма. Шендрик предусмотрительно отошел подальше. Царьков, надрывно кашляя, вывалился из машины, отбежал, словно она должна была взорваться.

— Хана корыту, товарищ капитан! — выкрикнул молодой лейтенант. — Истекло его время! Я, кстати, предупреждал, что на этом рыдване далеко не уедем!

— Сейчас ваше время истечет. — Шубин скрипнул зубами. Ядовитое облако уже рассеялось. — Что уставились? Оба за работу! Царьков, ты же «мастер от бога» — кто хвастался? Чини мотор, не стой. Шендрик, помоги товарищу!

— Ага, сейчас все брошу... — заворчал Шендрик, но на всякий случай присоединился к товарищу. — Товарищ капитан, вы же знаете, что я тупой в технике, до армии обучался в кулинарном училище...

Сил уже не было смотреть на эту беспомощность. В душу закрадывалось опасение, что ночевать придется в заснеженном поле. Снова за скрипели гаечные ключи, Царьков покрикивал на Шендрика, не способного отличить отвертку от кусачек. Положение складывалось неваж-

ное. Впору догнать крестьянина на телеге и изъять его транспортное средство для нужд Красной армии. Но далеко ли уедешь на этой каракатице по холодку? Дорога была пуста — телега свернула в поселок. Автоматчики на КПП потеряли интерес к происходящему. На помощь с их стороны рассчитывать не приходилось.

С востока показалась колонна — в Харьков шли цистерны с ГСМ. Машины двигались неспешно, колонна еще не втянулась в поселок. Движок окончательно доломали: он перестал издавать даже пугающие звуки. Гоша Царьков разводил руками. Он в самом деле предупреждал, что отправляться в путь на этой штуке стоит только любителям приключений. С трагичным видом вздыхал Виталик Шендрик, рослый, с плутоватыми глазами.

— Ладно, забирайте вещмешки и ходу. — Шубин раздраженно махнул рукой. — Будем надеяться, мир не без добрых людей.

О чем переживать? Прилегающие к дороге территории завалены битой техникой — что русской, что немецкой. Одной машиной больше, одной меньше... Он забрал свой вещмешок у Гоши, забросил на плечо «ППШ» и зашагал по обочине. Подчиненные потянулись за ним. Гоша по инерции бубнил, что он не виноват, сделал все, что мог. Военные на КПП подобрались, на всякий случай приготовили оружие. На диверсантов эти трое не тянули, но кто их знает?

— Свои, — бросил Шубин, подходя к рослому сержанту. — Держи бумаги. — Он вынул из кармана шинели сложенные документы, сунул постовому.

— Ага, здравия желаю, — кивнул тот и начал стягивать плотные рукавицы. На недостаток экипировки Красная армия уже не жаловалась, заводы в тылу работали на полную мощность. Неудобные шинели вытеснялись фуфайками — практичными, пригодными для любых условий.

— Куда направляетесь, товарищ капитан? — спросил сержант, листая бумаги.

— Там написано. Так и скажи, что читать лень. Следуем в Харьков, имея назначение о переводе в сто тридцать третью стрелковую дивизию сороковой армии. Представляем полковую разведку. Со мной мои люди, у них такие же документы.

— Хорошо, счастливого пути. — Сержант пожал плечами и вернул бумаги.

— Издеваешься? — вспыхнул Шубин. — Не видел, что с нами приключилось?

— Сочувствую, товарищ капитан. Но чем вам помочь? Взять на буксир и дотянуть до Харькова? Имеем собственные задачи. Попуток хватает, если что. Вон колонна идет, в нее подсаживайтесь. — Он кивнул на подходящие бензовозы. — Там охрана, всякие приبلудные — уж потеснятся. А нам их все равно останавливать.

Перспектива трястись в кузове не очень окрыляла. Дорога была разбита, на отдельных участках покрыта ледяной коркой, испещрена воронками от снарядов. В «газике» тоже было неуютно, но тент защищал от ветра. Колонна изрыгала гарь и грохот. Головная машина уже «подходила» — «полуполторка» с охраной. За ней чадили четыре бензовоза, напоминавшие уменьшенные железнодорожные цистерны. Топливо Красной армии требовалось постоянно, перебои с горючим вызывали проблемы на фронтах. Заскрипели тормоза — водитель «полуполторки» прерывисто выжимал педаль. Тормоза барахлили, машина останавливалась неохотно. Колонна замерла. Распахнулась дверца, спрыгнул представитель комсостава и деловито зашагал на КПП.

— Туда идите, в хвост, — махнул сержант. — В любую машину садитесь — найдете место.

Выбора не было. Ждать у моря погоды — так себе перспектива.

— Пойдемте, товарищ капитан! — Гоша Царьков подтянул спадающий с плеча вещмешок. — По холодку доедем, зато в компании. Шестнадцать верст осталось, за полчаса осилим. А бойцы последят за нашей собственностью, чтобы ей ноги не приделали, — Гоша засмеялся.

А потом еще три часа плутать по Харькову, который вряд ли переполнен жизнерадостными людьми и нарядными зданиями... Караульные потеряли интерес к троице, занялись капитаном

из колонны. Шубин уже шагал, месил обувью рыхлый снег на обочине. За бензовозами следовали три бортовых грузовика. В первом было тесно от красноармейцев в куцых шинелях, вооруженных карабинами. Из кузова предпоследней машины тоже торчали головы. У переднего борта теснились ящики с патронами — явно «попутный груз». В замыкающем автомобиле было сравнительно пусто.

— В хвост пойдем, — буркнул Царьков.

— погоди. — Шендрик вскарабкался на колесо, завис над бортом. Потом обернулся, глаза у парня блестели. — Сюда, товарищ капитан, здесь неплохо...

Еще бы. Из кузова доносились женские голоса и смех. «Компания будет, — мысленно усмехнулся Глеб. — Душевно доедем. Если дуба не дадим на этом ветру».

— Здравия желаем, товарищ майор! — прокричал Шендрик. — Попутчиков берете? Куда направляетесь, девчата? В Харьков?

— Нет, в Киев, — пошутила женщина, и сидящие в кузове рассмеялись.

— Садитесь уже, — проворчал мужской голос. — Не виси, старлей, сдует.

Машина дернулась, и все трое покатались в кузов под дружный девичий смех. Шубин привалился к заднему борту. Машина тряслась, гуляли борта, подняться было невозможно. Офицеры расползлись кто куда, Виталик как-то ненавязчиво ока-

зался под боком у миловидной курносой девчушки с медицинской сумкой на коленях, сразу полез знакомиться. Девчушка попалась смешливая, потешно морщила носик, стреляла глазками. Гоша Царьков вел себя скромнее, в основном молчал, но улыбался до ушей. Перед глазами громоздились ящики с патронами, заслоняя обзор. От пола холодило, но это состояние было привычным. Организм прошел закалку, с равным успехом переносил жару и холод. Февраль выдался мягким, но осторожность не мешала. Воспаления легких никто не отменял, эту хворь подхватывали даже закаленные. Месяц все же зимний, а Харьков — та же Россия, хотя и числится почему-то за Украинской ССР...

В кузове до их появления находились шестеро. Две женщины — одна совсем молодая, курносая, другая постарше, черненькая, с вытянутым лицом и немного выпуклыми глазами. В петличках у брюнетки красовались два треугольника — младший сержант медицинской службы. Ее курносая подруга таких высот в воинской карьере не достигла, но званием ефрейтора могла похвастаться. В машине также присутствовал майор-артиллерист средних лет, бледный неразговорчивый капитан с перевязанной рукой, два сержанта-связиста. Один был совсем юн — просто мальчишка, другой успел пожить, отрастить седые усы. Борьба со сном надо было решительно. Шубин завозился, вытянул шею. Впереди катила машина с красноармейцами, люди в касках

клевали носами, обнимая карабины. Чуть дальше маячили бензовозы. Дорога тянулась прямой лентой. В кюветах валялась сгоревшая техника: советские полуторки и бронетранспортеры, немецкие вездеходы, «кюбельвагены». Обгоревшие трупы еще не убрали, их припорошило снегом. Проплывали заснеженные поля — бывшие сельскохозяйственные угодья, перелески, мелкие населенные пункты.

— Откуда путь держите, мужики? — спросил майор. У него было что-то с голосом — слова выдавливались с трудом, будто горло обложили наждаком.

— Из Сталинграда, товарищ майор, — отозвался Глеб. — Полковая разведка, переведены в Харьков, на Воронежский фронт, в связи с формированием прежней части. Машина сломалась, пришлось потеснить вас.

Он поймал на себе заинтересованный взгляд темноволосой девушки. Смущаться та не стала, вяло улыбнулась и уставилась в пространство. В ней не было ничего особенного (хотя в лице угадывалось нечто своеобразное), да и какие, к черту, женщины? В минуты покоя перед глазами вставала Катя Измайлова, с которой он простился четыре дня назад, и менять образ в голове решительно не хотелось.

— Серьезно? — удивился майор. — Да уж, Сталинград — это мощно... Жарко там было, капитан?

— Не то слово, товарищ майор. Холод зверский, ветер продувает насквозь... А все равно жарко. Зато колечко красивое смастерили. — Шубин улыбнулся. — А в колечке тридцать дивизий.

Засмеялась курносая санинструктор. Ее подруга продолжала невзначай разглядывать Шубина. В глубине карих глаз поблескивало что-то ироничное.

— Это точно, — крикнул майор. — Жалко, что лично не поиграл колечком. Пишут, десятки тысяч повозок собрали, чтобы вывезти из города всех пленных.

— Не читал, — улыбнулся Глеб. — Но растерянность в наших рядах точно была. Единственный раз за всю битву — когда увидели, сколько пленных взяли. Их же надо перевозить, кормить, поить, охранять... Словом, ситуация тяжелая и почти безвыходная. Впрочем, Гитлеру бы такие проблемы.

Пассажиры засмеялись. Даже бледнолицый капитан изобразил подобие улыбки и поморщился от боли в простреленной руке.

— Может, вы и Паулюса видели? — спросила курносая.

— Может, и видел, — допустил Шубин. — Может, и лично выводил из берлоги под белы ручки.

Шутка понравилась, народ улыбался. Знали бы они, что это не шутка. Царьков и Шендрик тактично помалкивали. Уж эти знали. Но сто-

ит ли бахвалиться, если все равно не поверят? Разведчики не рыбаки, хвастаться уловом не приучены.

— Загибашь, парень, — добродушно пробурчал майор. — Эх, не удалось нашему полку по Сталинграду погулять. Ничего, по Харьков погуляем. Еще и по Крещатику пройдемся, по Варшаве... Что там дальше?

— А дальше, собственно, Берлин, товарищ майор, — подал голос безусый паренек. — Если не будем размениваться на мелкие городки вроде Кракова или Дрездена. Боюсь, товарищ майор, мы все в Берлин не поместимся, он же не резиновый, право слово...

Народ оживился, выражал одобрение «устам младенца». Похоже, паренек записался в армию прямо со школьной скамьи, не успел забыть, чему учили.

— А вы женаты, товарищ капитан? — спросила курносая. — Меня Оксаной зовут. А это Ида Левторович — подруга и боевой товарищ. Она из Ленинграда, а я из Костромской области.

— Товарищ капитан женат, — быстро вставил Шендрик, украдкой подмигнув командиру. — А ваш покорный слуга — нет...

Загадочно улыбнулась брюнетка, мазнула взглядом незнакомого (но явно героического) капитана.

Продолжалась монотонная езда. Километра четыре с горем пополам одолели. Колонна тяну-

лась еле-еле, тяжелые машины объезжали препятствия и подозрительные участки. Оксана стала ежиться.

— Холодно-то как, мамочка... Быстрее бы уж весна...

— Весна — это плохо, — рассудительно изрек безусый парень. — Дороги раскиснут, начнется распутица. Машины не пройдут, и тогда наступление замедлится, придется ждать лета.

— Молодец, школяр, — хрипло засмеялся майор-артиллерист. — Правильно понимаешь текущий момент и причину наших энергичных действий на Харьковщине.

— Все равно холодно, — протянула Оксана. — И согреть некому...

Встрепенулся Виталик Шендрик, пристроился к девице под бочок и стал ей что-то втирать — видимо, предлагал поработать печкой. Оксана хихикала, потешно морщила нос. Виталик полностью ликвидировал дистанцию. Девушка нахмурилась, но отодвигаться не стала. Беседа угасла. Люди ежились, боролись со сном. Виталик был в своем репертуаре. Не имело смысла знакомиться, общаться. Еще десяток верст, и дорожки разойдутся. Колонна направится по своим делам, а группа Шубина приступит к поискам штаба 133-й дивизии, затерянного в городских кварталах. Впрочем, на приближение городских окраин пока ничто не указывало. За бортом бежали поля и перелески. Небо затянули свинцовые тучи.

Шубин закрыл глаза, потекли воспоминания, перемежаемые значимыми для страны событиями. Разгром под Сталинградом 6-й армии Паулюса вызвал небывалый подъем боевого духа и... преждевременной уверенности в своих силах. Рассматривались только наступательные действия. Немецкие войска откатывались на запад, серьезного сопротивления не оказывали. Считалось, что Красная армия способна проводить успешные наступления. Взятие города Харькова становилось навязчивой идеей советского руководства. Дважды его пытались отбить — в январе и мае 42-го — и всякий раз терпели неудачу. Разрабатывались планы: окружить и ликвидировать южную группировку вермахта или оттеснить к Азовскому и Черному морям. Ситуация казалась благоприятной. Уничтожить неприятеля в междуречье Северского Донца и Днепра, освободить Донбасс, выйти к Днепру в районе Запорожья. Два фронта практически одновременно перешли в наступление — Воронежский и Юго-Западный. На харьковском направлении упорно сопротивлялась армейская группа «Ланц». Но немцы уступали в численности солдат — советские генералы создали на этом участке пятикратный перевес в живой силе. Пал Купянск, войска форсировали реку Оскол, вышли к Северскому Донцу, взяли Изюм, Балаклею. Воронежский фронт наступал через Курск и Белгород. Освободили Волчанск, и танковые группы командующего Рыбалко устреми-

лись к Харькову. Отчаянно сопротивлялась гренадерская дивизия СС «Рейх» и даже остановила наступление. Но приказ из Ставки был неумолим: только вперед, невзирая на потери и отставшие обозы. Операцию закончить до весенней распутицы! Пехота гибла под артиллерийским огнем, замерзала в траншеях. Северский Донец наконец форсировали и к десятому февраля заняли Чугуев. Операция развивалась, Харьков фактически оказался в окружении. Передовые части ворвались в город с юга, работали кавалерийские корпуса. Над вражеской группировкой нависла реальная угроза. Фюрер в Берлине топал ногами, приказывал держать город до последнего. Но Ланц не подчинился, оттянул войска, пока их не заперли в котле. Манштейн справедливо считал, что город не удержать, нужно отходить на запад и на юг, к морю. Воронежский фронт успешно атаковал Харьков, войска Юго-Западного фронта шли южнее — к Запорожью. Харьков брали с трех сторон. Окопавшиеся в нем дивизии СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» оказались бессильны что-либо сделать. Бои уже шли на окраинах. Ланц приказал отходить. Повторения Сталинграда руководство СС не хотело. К вечеру пятнадцатого февраля город очистили от противника. В Харьков входили потрепанные танковые и пехотные дивизии. Войска понесли огромные потери, людей шатало от усталости. Но победные реляции уже неслись в Ставку...

Сегодня настало восемнадцатое. Крупнейший на Украине промышленный город уже три дня находился в руках Красной армии. Наступление по инерции продолжалось. Взяли Ахтырку к западу от Харькова и там остановились. Юго-Западный фронт вел наступление по центральной и южной Украине. Армия Манштейна отходила, впереди заманчиво поблескивал Днепр...

Рокот усилился — незнакомая машина шла на обгон, и водитель явно пережимал газ. Шубин очнулся, завертел головой. Грузовик оказался практически вровень с ним. Вытянув руку, можно было коснуться его борта. «Полуторка» не имела отношения к топливному конвою. Она догнала колонну, какое-то время тащилась в хвосте. Потом водителю надоело плестись в конце колонны, и он рискнул пойти на обгон. Машина тряслась по встречной полосе, уходила в отрыв. Рядом с водителем сидел молодой старлей с каким-то каменным лицом. Он не смотрел по сторонам, его губы были поджаты. В кузове находилось отделение автоматчиков. Мест хватало, люди развались покуривали. Одеты во все новое: легкие франтоватые полушубки, светлые ушанки из овчины. Кто-то, лениво повернув голову, смерил капитана разведки равнодушным взглядом. Привстал Виталик, приветливо помахал бойцам. Двое отозвались, изобразив вялые улыбки. «Малахольные какие-то», — подумал Глеб. Он невольно насторожился — военная профес-

сия обязывала. Уж больно чистые, в новенькой форме, вооружены по первому слову, да и с эмоциями на лицах небогато. Сколько подобных подразделений он перевидал в тылу и на полях сражений: забрасывают к нам переодетых диверсантов, и те терроризируют тылы — взрывают склады и мосты, уничтожают командный состав Красной армии. И, что характерно, они отлично подготовлены и мотивированы.

Возможно, он заблуждался. Но рефлекс сработал. «Полуторка» медленно уходила по встречке. Широко зевнул боец с откормленным круглым лицом и выпуклым шрамом под нижней губой.

— Ребята, вы откуда? — выкрикнул Глеб.

Тот, что зевал, насторожился, повертел головой, видимо, выбыл из реальности. На лице возникло недовольное выражение. Но он ответил:

— Из НКВД мы, товарищ капитан! Охрана тыла действующей армии! В Харьков едем! А вот с какой целью, вам лучше у старшего лейтенанта спросить, если вам это надо, конечно!

— И если машину остановите! — засмеялся сидящий рядом с ним обладатель квадратной челюсти.

Подозрения усилились. Боец прав, невозможно остановить колонну, да еще эту чертову «полуторку»! А если начнут стрелять? Всех положат, а рядом бензовозы, по горловину залитые топливом... Шендрик тоже насторожился, исподлобья